

© 2002 г. *Б.Н. ФЛОРЯ*

ОТНОШЕНИЕ УКРАИНСКОГО КАЗАЧЕСТВА
К РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ ВО ВРЕМЯ
КАЗАЦКИХ ВОССТАНИЙ 20–30-х ГОДОВ XVII ВЕКА
И НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ
НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ

В истории отдельных обществ бывают события, имеющие важнейшее значение для всего их последующего развития. В такие моменты в их сознании сравнительно быстро происходят весьма значительные изменения, для которых в обычных, "нормальных" условиях требуются многие десятки лет. Нет сомнений, что именно таким событием, имевшим переломное значение для исторических судеб украинского народа стала народно-освободительная война под руководством Богдана Хмельницкого. Исследователи неоднократно пытались (и пытаются) дать ответ на вопрос, какие изменения произошли в сознании тех кругов украинского общества, которые начали эту войну, после победы восстания на Украине и образования гетманства.

На пути к решению данного вопроса существовало, однако, одно объективное препятствие. У исследователей были очень неполные и отрывочные сведения о сознании тех слоев украинского общества, которые приняли наиболее активное участие в народно-освободительной войне в период, предшествовавший этому историческому событию. В сравнительно недавнее время был введен в научный оборот комплекс материалов (большое количество записей слухов о событиях на Украине, сохранившихся в документах Разрядного приказа), который открыл новые возможности для изучения взглядов и представлений низов украинского общества – крестьян, мещан, казаков. Исследования этих материалов, осуществленные автором этой статьи, позволили реконструировать их взгляды и представления в десятилетия, непосредственно предшествовавшие народно-освободительной войне (20–40-е годы XVII в.) [1–3], и тем самым открылась возможность на новой основе вернуться к вопросу о переменах в сознании украинского общества после начала народно-освободительной войны.

Запорожское казачество определенно осознавало существование острого конфликта между его интересами и интересами противостоявших ему феодалов-землевладельцев и представителей государственной власти – воевод и старост. В записях слухов постоянно повторяются утверждения, что размеры Запорожского войска хотят уменьшить с тем, чтобы "выписанным" казакам "быти по городам в подданных под панскою справою" [4. Стб. 54. Л. 214]. Это общее утверждение, смысл которого, впрочем, вполне ясен, в некоторых записях слухов дополняется более конкретными высказываниями: так, оказывается, что у "выписных черкас" ставятся на постой солдаты коронной армии "и станции и всякие королевские поборы с них берут",

---

Флоря Борис Николаевич – чл.-корр. РАН.

а в одной из записей читаем, что "казаком от ляхов стала великая обида, многих, де, козаков из козацкого списка выписали в мещане и заставляють казаков ляхи на себя работать" [4. Стб. 54, Л. 227, 297]. Таким образом, казаки очень ясно представляли себе, зачем их хотят обратить в "подданных". В этой связи заслуживают быть особо отмеченными записанные в сентябре 1635 г. "речи" казака Лаврика Лепляева, где читаем: "А гетман, де, Конецпольской с поляки идет на козаков за то, что, де, от них, поляков, из Полши выбегли все подданные их крестьяне и хлопцы, бегают в украинные города и ставятца в казаки" [4. Стб. 64, Л. 264].

Эти высказывания определенно показывают, что казачество ясно понимало природу конфликта: противная сторона не желала признать притязаний казаков на особый сословный статус и хотела превратить их в крестьян и мещан – подчиненных либо государству, либо отдельным феодалам.

Хотя среди сторонников "уменьшения" казачества было немало "русских" шляхтичей (примером может служить известный волынский шляхтич, а затем магнат Адам Кисель), в записях слухов сила, враждебная казачеству, постоянно обозначается термином "ляхи", т.е. противники казачества воспринимаются как люди иной, польской народности.

Источник конфликтов между "ляхами" и казачеством в восприятии самих казаков отнюдь не ограничивался собственно социальным противостоянием. Их острое недовольство вызывали попытки принудить их подчиниться власти униатской церкви и "Бога молити за папу римского". Основываясь на стихийном представлении, что каждый народ в этом мире имеет свою особую веру, они видели в этих действиях "ляхов" попытку силой навязать "русскому народу" (наиболее важной частью которого считали себя казаки) свою "ляшскую" веру ("поляки хотят де, у белорусцов веру нарушить и церкви запечатать, а поставить костелы и учинить ляцкую веру") [5. Стб. 10. Л. 250] (о восприятии украинскими низами религиозного конфликта подробнее см.: [1. S. 30–32, 42–43]). Это явно воспринималось как свидетельство подчиненного, неравноправного положения "русского" народа в Речи Посполитой (а следовательно, и казаков), вызывало сопротивление и отпор.

Эти два конфликта, социальный и религиозный, разные по своему происхождению, в сознании казачества тесно переплетались между собой. Изучение записей слухов показывает, что попытки "уменьшить" Запорожское войско в сознании казаков связывались не только с желанием "ляхов" приобрести новых подданных, но и их стремлением ослабить казачество, как главного защитника православия на украинских землях, чтобы затем беспрепятственно принуждать местных крестьян и мещан к перемене веры ("только, де... поляки убавят черкас и у нас, де, веру до конца поломают") [5. Стб. 10. Л. 198] (подробнее см.: [1. S. 32–33]).

При этом следует особо отметить убеждение казаков, что для достижения своих целей "ляхи" не остановятся перед самыми крайними мерами. Уже перед началом казачьего восстания 1625 г. на Украине распространился слух, что командующий коронной армией гетман Ст. Конецпольский неслучайно ведет с собой иностранных колонистов – "немцев" с женами и детьми: "и как, де, польские люди побьют казаков и крестьянскую веру нарушат, а римскою учинят, и тех, де, немец король указал посадить на казачьих местах" [6. № 27. С. 57]. И в последующие годы казаки неоднократно выражали убеждение, что поляки "хотят православную крестьянскую веру разорить и церкви поломать, а казаков всех и жон их и детей побить, а достальных казаков и мещан привести в свою в ляцкую веру" [6. № 92. С. 159] (подробнее см.: [1, 7]).

Неудивительно, что к началу 20-х годов XVII в. у казаков стало складываться убеждение в необходимости вооруженной борьбы против ляхов "про веру и про казачество" [1. S. 30–32]. Несмотря на забегая вперед, следует отметить, что во всех этих своих компонентах сознание низов украинского общества не претерпело никаких изменений и совокупность охарактеризованных выше представлений была в равной мере характерна для сознания украинского казачества и в годы народно-освободительной войны.

В борьбе с "ляхами" казаки стремились найти себе союзников. Они искали помощи и поддержки у одного из главных (в прошлом) противников Запорожского войска – крымского хана. Крым стал одним из возможных мест, где запорожские казаки могли скрыться от преследований: после поражения восстаний 1625 и 1637–1638 гг. в Крым действительно "отъехали" большие отряды запорожцев (подробнее см.: [8]).

Обсуждался вопрос о поисках приюта во владениях турецкого султана. Ко времени восстания 1637–1638 гг. относится запись слуха о планах запорожцев "отложить к турецкому" и о том, что султан якобы "дал им на житье шесть городов своих на море" [4. Стб. 98. Л. 97]. И Крым и Османская империя воспринимались в казацкой среде, как "иной", "чужой мир", где приходится искать убежище лишь тогда, когда не остается другого выхода¹.

Более заметное место в сознании казачества занимали надежды на получение поддержки со стороны Русского государства. При этом имелась в виду возможность не только найти спасение от преследований на русской территории, но и с помощью русских войск "отложиться" к царю вместе с теми "городами", в которых жили казаки. Первые слухи о планах такого рода отмечены уже в 1621 г. [6. № 8. С. 17], позднее они неоднократно возникали в тяжелых для Запорожского войска ситуациях, но ни разу не было предпринято серьезных попыток эти планы осуществить. Очевидно, казаки пытались искать решения беспокоивших их проблем прежде всего в рамках Речи Посполитой.

Записи слухов показывают неизменно враждебное отношение казаков к "ляхам" – феодалам – владельцам имений на Украине и воеводам и старостам, в руках которых находилась судебно-административная власть на украинских землях. Главой этих враждебных "ляхов" казаки считали великого коронного гетмана Станислава Конецпольского, которому подчинялось Запорожское войско и власть которого как владельца целого ряда старств распространялась на значительную часть населения Восточной Украины².

Вместе с тем казаки не рассматривали как враждебную силу все правящие верхи Речи Посполитой, тем более их враждебность не распространялась на само это государство. По их убеждению, в правящей элите Речи Посполитой существовали влиятельные силы, враждебные "ляхам" и настроенные дружественно по отношению к казакам. Главой этих сил казаки считали старшего сына короля Сигизмунда III королевича Владислава³.

По убеждению казаков, с наступлением "бескоролья" после смерти Сигизмунда III общество Речи Посполитой раскололось на два враждебных лагеря: лагерь сторонников младшего сына Сигизмунда – Яна Казимира, которого поддерживают "ляхи", католическое духовенство, "цесарь" (император Фердинанд II, близкий родственник польской королевской семьи), и лагерь сторонников старшего сына, Владислава, которого поддерживают "черкасы", "белорусцы" (так в московских источниках первой половины XVII в. обозначалось восточнославянское население Речи Посполитой) и "Литва". Если сторонники Яна Казимира – "поляки" хотят "приходить на Литву и на черкас, чтоб им посадить на королевство Казимера и хрестьянская вера разорити" [10. Т. I. № 427. С. 410], то о Владиславе говорили, что он готов защищать права "русского" народа, а в некоторых записях слухов даже упоминалось о том, что королевич "держит веру русскую с казаки" [5. Стб. 40. Л. 85, 261]. Если рядом с Яном Казимиром как глава "ляхов" выступал великий гетман коронный Ст. Конецпольский, то главою сторонников Владислава в Речи Посполитой был один из крупнейших литовских магнатов польный гетман Великого княжества Литовского Кшиштоф

¹ См. сообщения белгородских станичников (май 1635 г.) о намерениях казацкого войска во главе с Тарасом Федоровичем "селитца по реке по Донцу" и служить царю, при этом казаки говорят: "понти, де, к царю турскому или крымскому, ина, де, веры крестьянские отбыть" [4. Стб. 54. Л. 520].

² О Конецпольском, как главе "ляхов" см.: [1. С. 43, 48].

³ Анализ обстоятельств, в которых зародилась такая легенда см.: [9].

Радзивилл⁴. Можно лишь догадываться, что столь почетное место в казацких представлениях о политической элите Речи Посполитой литовский магнат – протестант получил благодаря своим выступлениям против религиозной политики короля Сигизмунда III и покровительству православной церкви в его белорусских владениях.

Как бы то ни было, для сознания казаков на рубеже 20–30-х годов XVII в. было характерно представление о существовании в политической элите Речи Посполитой влиятельных сил, настроенных дружелюбно по отношению к "русскому" народу, готовых отстаивать его права, находящихся в конфликте с главными противниками казаков – "ляхами". Естественно, что на рубеже 20–30-х годов XVII в. лица, стоявшие во главе Запорожского войска, видели свою главную задачу в том, чтобы содействовать победе этих сил в борьбе за польский королевский трон. Так они и действовали во время "бескоролевья" 1632 г.: на конвокационный сейм были отправлены послы с заявлением, что Запорожское войско поддерживает кандидатуру Владислава [11. С. 401 и сл.] (тем самым казаки одновременно заявляли о своем праве на участие в выборах монарха), а самому королевичу Запорожское войско предложило вооруженную помощь в борьбе с его противниками [11. С. 452–453].

В действительности никаких двух резко противостоящих друг другу враждебных лагерей в политической элите Речи Посполитой не существовало, и подавляющая часть магнатов и шляхты поддерживала на выборах кандидатуру Владислава, а сам новый польский король имел мало общего с персонажем сформировавшейся в казацкой среде легенды. Неудивительно, что с избранием Владислава на польский трон никаких перемен к лучшему в положении казаков не произошло. Власти Речи Посполитой на Украине с не меньшей энергией, чем ранее, добивались "уменьшения" казачества и возвращения основной массы казаков в зависимость от прежних панов и старост.

М.С. Грушевский полагал, что, столкнувшись с таким отношением со стороны властей, "козаки мусіли розчарувати ся в своїм вибранцю, за котрим так разбивали ся на елекції" [12. Ч. 1. С. 210]. Однако изучение записей слухов, ходивших на Украине в середине 30-х годов XVII в., показывает, что казаки нашли свое объяснение того, почему с приходом к власти Владислава IV их положение не изменилось к лучшему. "Ляхи" во главе со Ст. Конецпольским были вынуждены согласиться на выбор Владислава, но не желают ему подчиняться, не хотят выполнять его распоряжения и стремятся отстранить его от власти. Владиславу и его сторонникам приходится вести с ними постоянную борьбу. В этих условиях стратегической задачей Запорожского войска оставалась помощь Владиславу (теперь уже королю) и его сторонникам в борьбе за власть в Речи Посполитой. С большой яркостью эти представления отразились в слухах, распространившихся на территории Украины накануне и во время казацкого восстания 1637–1638 гг.

Участники восстания были убеждены, что выступают против распоряжающихся на Украине "ляхов" по приказу короля. Астраханец Андрей Давыдов, выходивший из турецкого плена через Украину в ноябре 1637 г., рассказывал путивльским воеводам о казаках, что "король, де, велит и пишет к ним, чтоб, де, они, черкасы за веру стояли и с поляки бились" [13. Стб. 105. Л. 13–14]. И это свидетельство не единично. В мае 1638 г. полоняники, выходившие из турецкого плена через украинские земли, рассказывали, что "оне, де, слышали от литовских же людей, что король и корунной гетман Радвил казаком велели за веру битися с ляхами" [4 Стб. 98. Л. 203]. Записи слухов не оставляют сомнений в том, что участники восстания были убеждены, что одновременно со сражениями на Украине между "ляхами" и казаками в Польше идет война между сторонниками Владислава и Яна Казимира. В январе 1638 г. запорожский казак из Прилук, который во время восстания "был... в казацком войску", рассказывал русским воеводам, что "у короля польского Владислава да у гетмана

⁴ Более подробный анализ слухов о существовании в Речи Посполитой двух враждебных лагерей и о борьбе между ними в начале 30-х годов XVII в. см.: [1. С. 38–48].

Радзивила с королевичем с Казимером был бой в нынешней в Филиппов пост" и Владислав и Радзивилл "польских многих людей побили". При этом казак пояснял, что "Козмир, де, стоит за ляхи, а Родивил, де, гетман и Литва, белорусцы стоят за короля Владислава и за веру" [4. Стб. 82. Л. 59–60]. Тогда же, в начале 1638 г. крестьянин из-под Новгород Северского сообщал, что Миколай Потоцкий "пошел из Нежина в Польшу х королевичу Казимеру", который после поражения оказался в тяжелом положении [4. Стб. 82. Л. 124]. В апреле того же года о войне между Владиславом и Казимиром, которому "помогают ляхи" ("а бьютца, де, они промеж себя в Литовской земле"), сообщали торговые люди из Брянска, побывавшие на ярмарке в Баре. Им даже было известно, что "Каменец, де, подолской отложился от короля х Казимеру" [14. 1638 г. № 2. Л. 121]. Таким образом, "ляхи" были общими врагами и казаков, и Владислава IV, и его сторонников в Речи Посполитой.

В записях слухов встречаем и сообщения о якобы имевших место попытках короля и Радзивилла помочь участникам восстания. В начале февраля 1638 г. выехавший в Россию казак Кузьма Васильев рассказывал, что "Владислав король прислал лист к гетману к Якубу Потоцкому, чтоб, де, он козаков не побивал" [4. Стб. 82. Л. 237]. Еще более интересное сообщение читаем в относящемся к январю 1638 г. рассказе казака из Прилук, который уже цитировался выше в иной связи. По его словам, король Владислав "послал было Родивила гетмана, а с ним ратных людей, Литву, белорусцов, тысяч с восьмью к запорожским казакам на помощь, чтоб не дать поляком казаков побивать". Поход не состоялся, так как Радзивилл узнал о поражении запорожцев. Далее говорится, что когда коронная армия во главе с Миколаем Потоцким двинулась против Радзивилла, то "гетман ж, де, Радивил писал ... к запорожским казаком, к остальцом, чтоб, де, ... будет мочно, как пройти, шли бы к нему гетману к Родивилу на сход" [4. Стб. 82. Л. 61–62].

Неудивительно после всего этого, что в записях слухов встречаем утверждения, что "бьютца, де, черкасы с ляхами по королевскому веленью, а ляхи, де, с черкасы бьютца без королевского веленья" [4. Стб. 98. Л. 198], что "поляки самовольством запорожских казаков всех побили и пожгли бес королевского ведома" [4. Стб. 82. Л. 435].

Все эти слухи представляют тем больший интерес, что за ними не стояли какие-либо реальные события: в 1637–1638 гг. не было никакой войны между Владиславом и Яном Казимиром, король и гетман Кш. Радзивилл вовсе не пытались послать войско на помощь участникам восстания. Возникновение и распространение таких слухов наглядно свидетельствует о том, насколько сильным было убеждение казаков в том, что в борьбе за свои интересы они имеют сильных и влиятельных союзников в политической элите Речи Посполитой. А это, в свою очередь, питало надежды на то, что в рамках и на почве этого государства им удастся добиться достижения своих целей.

Для оценки совокупности представлений казаков о месте, которое казачество должно занимать в Речи Посполитой, было бы важно выяснить, к каким результатам, согласно этим представлениям, должна была привести победа Владислава и его сторонников в Речи Посполитой. К сожалению в записях слухов об этом ничего не говорится. Некоторым ориентиром может служить лишь анализ слухов, появившихся в связи с ожидавшимся в 1636 г. посещением королем Владиславом IV Киева.

Весной 1636 г. распространились слухи, что король едет в Киев. 30 марта 1636 г. "черкашенин" Иван Яцкий сообщал, что от короля сюда пришел "лист", "чтоб казаком быть готовым на службу" и что в Киеве сам король будет платить казакам жалованье [4. Стб. 64. Л. 22]. В июне Иван Сокол из Батурина сообщил и о другом королевском распоряжении: "выписным", исключенным из реестра казакам "быть на сойму (т.е. собрании. – Б.Ф.) с ... запорожскими козаки (судя о контексту реестровыми. – Б.Ф.) у Маслову ставу". Из сообщений Сокола становится также ясно, какой службы хотел Владислав от Запорожского войска: "А быть, де, тем казаком с королем Владиславом против королевича Казимера и поляков" [4. Стб. 64. Л. 605–606]. Однако (и это самое интересное) пребывание Владислава в Киеве не должно было

ограничиться сбором казацкого войска для войны с Яном Казимиром. Тот же Иван Сокол сообщал, что перед выступлением в поход Владислав должен "креститца в православную крестьянскую веру" [4. Стб. 64. Л. 605]. "Листровых казаков полковник Федка Кузминской", выехавший на русскую службу тогда же, в июне 1636 г., указывал и точную дату, когда это должно было произойти – король должен был "креститца в православную крестьянскую веру в Киеве об Ильин день" (20 июля) [4. Стб. 64. Л. 606].

Для понимания того, что, по мнению казаков, должно было произойти в Киеве в июле 1636 г., большой интерес представляет рассказ полоняника Гриши Авдеева, который в мае того же года побывал в Киеве, где беседовал со старцами Печерского монастыря. Король, сообщал он, едет в Киев для того, чтобы "благовернаго князя Владимира мощей положенья досматривать и хочет, де, король на том месте иную новую церковь строить" [4. Стб. 64. Л. 417].

Все эти события, как представляется, в глазах казаков имели глубоко символическое значение: принятие монархом "русской веры" – православия и оказание почтения останкам крестителя Руси и наиболее могущественного правителя Древнерусского государства, знаменовало то, что после своего утверждения на троне с помощью казацкого войска Владислав IV станет таким правителем, который будет в своей политике руководствоваться прежде всего интересами "русского" народа Речи Посполитой. В частности, очевидно, та религия, которую принял глава государства – монарх, "русская вера" – православие, а не "ляшская вера" – католицизм, должна была стать в этом государстве господствующим официальным вероисповеданием.

Оживлению представлений о возможности изменить несправедливые порядки в Речи Посполитой, опираясь на поддержку доброго монарха, способствовали события середины 40-х годов XVII в. В это время действительно осложнились отношения между королем Владиславом и политической элитой Речи Посполитой. Владислав IV видел путь к укреплению своей власти в успешной наступательной войне против Османской империи и Крыма, но эти его планы наталкивались на сопротивление магнатов и шляхты, не заинтересованных ни в укреплении королевской власти, ни в войне с Османской империей и Крымом, которая привела бы к разорению их владений. Для нашей темы существенно, что в попытках осуществить свои планы король стал искать сотрудничества с запорожским казачеством. Предприняв по приказу короля морские походы на османские и татарские земли, запорожские казаки должны были спровоцировать военный конфликт, заставив тем самым магнатов и шляхту Речи Посполитой вести войну с Османской империей и Крымом против их воли и желания.

В апреле 1646 г. состоялась тайная встреча Владислава IV с казацкой старшиной, на которой король передал им 18 тыс. злотых на строительство судов. Тогда же им были вручены два королевских "привилея": один давал старшине полномочия для организации морского похода, другой предоставлял право увеличить размер казацкого "реестра" с 6 до 12 тыс. человек. "Привилеи" эти не регистрировались в королевских канцеляриях и были запечатаны не государственной, а личной печатью Владислава IV [15. S. 110–112, 391–395]. Представители казацкой старшины спрятали эти документы, ожидая, очевидно, благоприятного момента для их обнародования, но о приказе короля казакам стало известно, и летом 1646 г. на Днепре началось строительство стругов "для морского ходу" (см. об этом: [8. С. 88–89]). Тогда же без согласия сословий король стал набирать за границами Речи Посполитой наемную армию для ведения войны с Османской империей и Крымом [16. S. 364]. Действия короля, предпринятые с явным нарушением действовавших в Речи Посполитой правовых норм, встретились с едва ли не единодушным осуждением политической элиты страны. На сейме, собравшемся осенью 1646 г., его политика была подвергнута резкой критике, и Владислав IV вынужден был отказаться от своих планов (в частности, было объявлено о роспуске набранных для войны войск) [16. S. 371–373]. Были прерваны и приготовления к морскому походу, а запорожские суда так и не вышли в море [3. С. 89–90].

Документы о взаимоотношениях Владислава IV с запорожским казачеством и политической элитой Речи Посполитой обстоятельно были изучены еще в работах ряда польских исследователей второй половины XIX в. (прежде всего в специальной монографии В. Чермака), но только недавно удалось обнаружить свидетельства 1646–1647 гг. о том, как воспринимало происходящее украинское общество.

Уже априори можно было бы предполагать, что столкновения Владислава IV с магнатами и его поиски сотрудничества с казаками должны были способствовать оживлению сложившихся в казацкой среде уже традиционных к этому времени представлений о внутреннем положении в Речи Посполитой. Ряд свидетельств говорит о том, что в украинском обществе происходившее было воспринято как попытка короля Владислава IV сосредоточить в своих руках всю полноту власти в государстве. Лазутчик путивльского воеводы, побывавший в ноябре 1646 г. на ярмарке в Ромнах, рассказывал тому, что Владислав IV желает, "чтоб быть ему, королю, волю, как в иных государствах цари и короли вольные и все люди в послушанье" [4. Стб. 235. Л. 184]. Переводчик Посольского приказа Богдан Лыков, проезжавший через Украину весной 1647 г., также сообщал, что король хочет "поляков и Литву под свою власть привести и вольность их разрушить, как иные великие государи самодержавствуют" [17. № 1. Л. 46а]. В украинском обществе, конечно, понимали, что магнаты-"ляхи", узурпировавшие власть законного монарха, так просто ее не отдадут. Неслучайно лазутчик путивльского воеводы закончил свое сообщение словами: "И чают все литовские люди, что быть у короля с паны междуусобью большому".

Как представляли себе на Украине это "межуусобье", позволяют судить "расспросные речи" старца Иова, записанные в Севске в декабре 1646 г. [13. Стб. 131. Л. 239–240; 3. С. 95–96]. Иов рассказывал о "рокоше", который подняли против короля коронный гетман Миколай Потоцкий, князь Ярема Вишневецкий, князь Доминик Заславский, киевский воевода Януш Тышкевич. По их требованию в августе 1646 г. был созван сейм "на поле" под Люблином, где они пытались низложить монарха, но до этого не допустил литовский магнат Януш Радзивилл, сын Кшиштофа, который "разорвал" сейм. В этих условиях, согласно рассказу старца, король стал искать поддержки запорожцев. Он поставил над ними гетманом одного из представителей казацкой старшины – Барабаша, "дал волю по прежнему и пушки и наряд". Король после сейма направлялся в Киев, чтобы ехать оттуда в "казацкие города", но "князь, де, Вишневецкой с товарищи короля в казацкие города не пустили", а затем "у запорожских казаков Вишневецкий с товарищи наряд поотнимали и воли им не дали и поворотили опять под свою власть".

Рассмотрение этого важного, но до недавнего времени оставшегося неизвестным ученым свидетельства позволяет сделать вывод, что происходившие события воспринимались и переосмысливались в казацкой среде в духе уже традиционных для этой среды представлений о противостоянии доброго монарха, готового дать "черкасам" "волю", и магнатов-"ляхов" – противников и короля, и казаков, тем более, что столкновения короля с магнатами и шляхтой, встреча Владислава IV с казацкими посланцами как будто давали казакам новый материал, подтверждавший правильность таких представлений. Неслучайно в качестве главных организаторов направленного против короля "рокоша" в "речах" Иова выступают магнаты, в руках которых находились огромные владения на Украине и судебно-административная власть на украинских землях. Некоторая новость состояла в том, что в роли главного предводителя враждебных казакам "ляхов" вместо умершего к этому времени Ст. Конецпольского стал выступать молодой магнат, воевода русский князь Ярема Вишневецкий. "Речи" старца Иова определенно свидетельствуют о том, что казаки считали Я. Вишневецкого своим главным врагом еще до того, как началась народно-освободительная война. Именно Вишневецкий возглавил магнатов-"ляхов", когда они не дали "черкасам" воспользоваться той "прежней волей", которую пожаловал им монарх (судя по контексту, имелось в виду восстановление самоуправления Запорожского войска и отмена навязанной казачеству Ординации 1638 г.). Вместе с тем разнообраз-

ные свидетельства позволяют во многом уточнить представления казаков о характере политической борьбы в Речи Посполитой. Речь шла о том, будет ли польский король "самодержавным" государем, свободным от контроля со стороны магнатов ("вольным королем"). Только такой государь в их представлении мог сломить власть магнатов-"ляхов" и дать "черкасам" ту "волю", которой они добивались.

События, однако, явно развивались в другом направлении. Старец Иов дал ясно понять севским воеводам, что магнаты не примирятся со своей неудачей на сейме под Люблином. "На лета, – говорил он, имея в виду лето 1647 г., – де, от панства на короля будет великой рокош, и чайт, де, что на лето короля с королевства ссадят". В таком положении казачество не могло не видеть прямую угрозу своим интересам. Их положение в Речи Посполитой, и так весьма нелегкое, должно было еще больше ухудшиться после низложения доброго, готового помочь казакам монарха и сосредоточения всей власти в государстве в руках враждебных казакам магнатов-"ляхов". В таком взгляде на положение дел в стране следует видеть одну из причин того, почему казацкое восстание вспыхнуло именно в 1648 г.

Неудивительно, что в этих условиях выступление Хмельницкого против установившихся в Речи Посполитой несправедливых порядков началось с похищения им хранившихся у одного из представителей казацкой старшины королевских "привилеев" и что это событие, как известно, получило отражение даже в украинских народных песнях [12. Ч. 2. С. 164].

По сообщениям полоняника Никиты Гридина, который бежал из Крыма и "был в Запорожском войске года с полтора", Хмельницкий "пришел в Запорожское войско с королевскими листами" в самом начале 1648 г. [10. Т. II. № 357. С. 231]. Что говорил Хмельницкий о "королевских листах" собравшимся за порогами казакам, позволяют судить собственные слова гетмана, рассказывавшего московскому гонцу Григорию Климову, что "послал, де, от себя король в Запороги грамоту к прежнему гетману, чтоб сами за веру христианскую греческого закона стояли, а он, де, король будет им на ляхов помощник, и тот, де, королевской лист от прежнему гетмана достался ему Хмельницкому" [6. Т. II. № 16. С. 41]. Возможно, к этому же рассказам Хмельницкого восходит и сообщение в одном из слухов лета 1648 г. о документе, "какову дал на себя запись король Владислав, что быть им черкасом вольным и давали /бы им?!/ стацею" [6. Т. II. № 352. С. 227].

Как пронизательно отметил М.С. Грушевский, то, что говорил о королевских "привилеях" Хмельницкий, существенно отличалось от реального текста документов, выданных казацким представителям на их тайной встрече с королем Владиславом IV [12. Ч. 2. С. 165]. Этот же исследователь верно отметил, что успех агитации Хмельницкого не в последнюю очередь был связан с тем, что представление о том, что король является союзником казаков в борьбе с панами – "ляхами" было не новым [12. Ч. 2. С. 174]. В свете того дополнительного материала, который удалось собрать о настроениях и представлениях украинского казачества 20–30-х годов XVII в. можно утверждать, что к середине столетия такое представление утвердилось в сознании казачества очень прочно, а события 1646–1647 гг. дали сильный толчок к его оживлению.

По мнению М.С. Грушевского, самому Хмельницкому такое представление было чуждо, и он использовал его лишь в целях агитации [12. Ч. 2. С. 174]. Однако никаких доказательств в пользу этого утверждения ученый не привел, а то, что мы знаем о действиях Хмельницкого в первые месяцы восстания, говорит скорее о том, что он и сам находился под определенным воздействием этих воззрений.

Для участников восстания наличие в руках Хмельницкого королевских "привилеев" было ощутимым доказательством правильности их убеждения в том, что глава государства стоит на их стороне. Это убеждение давало восставшим дополнительную уверенность в справедливости, законности их действий (и соответственно – незаконности, несправедливости действий их противников) и одновременно порождало надежду на то, что в своей борьбе они могут рассчитывать на содействие тех сил в Речи

Посполитой, которые во главе с королем готовы отстаивать законные права "русско-го народа" и его главной, наиболее активной части – казачества.

К апрелю-июню 1648 г. относится целый ряд записей слухов, отражающих настроения населения на охващенной восстанием территории Восточной Украины. В некоторых моментах эти сообщения могут быть дополнены записями показаний пленных казаков, попавших в руки властей Речи Посполитой. В этих слухах отражалось убеждение, что свои действия восставшие предпринимают по приказу короля, а их враги являются одновременно врагами короля. Так, уже упоминавшийся Никифор Гридин сообщал, что Хмельницкий "посылал... по королевскому повелению на ляхов на помощь звать крымского царя" [10. Т. II. № 357. С. 231]. В более развернутой форме этот слух отразился в рассказе Луки, лекаря из г. Прилуки, записанном уже осенью 1649 г.: король "велел послать по крымского царя и по татар и велел звать итти войною на князя Вишневецкого за их к себе непослушание, что они, Вишневецкой с товарищи ево, короля ни в чем не послушали" [14. 1649 г. № 1а. Л. 403]. Мещанин из Конотопа Иван Игнатов 28 мая 1648 г. рассказывал, что "подняли, де, казаки татар на поляков и на жидов за то, что поляки хотели рокош чинити на короля, и ныне, де, с татараы воюют... маетности Вишневецкого и иных панов, которые хотели на короля рокош чинить, а которые, де, паны на короля рокоша не чинили, и тех, де, панов городов и маетностей не воюют" [10. Т. II. № 344. С. 219]. Тогда же гадячские мещане рассказывали, что Хмельницкий и Капуста "с королевскими листами прибирают казаков", а когда после боя с "ляхами" в их руки попал польский полковник, то они "того полковника после бою, оковав, послали к королю" [10. Т. II. № 345. С. 220].

Второе, что в этой связи следует отметить, это нашедшее выражение в этих слухах убеждение, что король активно участвует в этой борьбе на стороне казаков. В ряде записей слухов от мая-июня 1648 г. настойчиво повторялись сообщения об ожидавшемся приезде Владислава IV в Киев. Владислав должен был прибыть в Киев со своими войсками, чтобы оттуда идти походом на своих противников – магнатов. В Прилуках – владении одного из этих магнатов, Я. Вишневецкого – проезжему греку Юрию Константинову рассказывали, что коронный гетман М. Потоцкий срочно призвал Вишневецкого с войсками на помощь, так как вскоре "будет, де, король польской в Киев, а с ним, де, польских и литовских и иных земель ратных людей 150 тысяч", откуда они должны "идти за ослушанье на гетмана Николая Потоцкого да на князя Еремея Вишневецкого, что они его не слушают" [10. Т. II. № 343. С. 219]. Позднее один из попавших в плен под Тульчином казаков говорил, что король уже находится в казацком лагере, где для него поставлен шатер, куда никто не входит, кроме гетмана Хмельницкого [12. Ч. 3. С. 39–40]. Сын боярский, ездивший в конце мая в один из городов на московской границе, сообщал, что в Киеве король должен остановиться в Печерском монастыре, где будет находиться четыре недели [10. Т. II. № 347. С. 222]. Какая связь между королем Владиславом и Печерским монастырем, выясняется из сообщений запорожского казака Тимофея Семенова, выехавшего на русскую территорию 22 июня 1648 г. Он сообщил, что король "хочет креститься нынешнего лета после ржаной жнитвы и всех ляхов король хочет вводить в крестьянскую веру" [10. Т. II. № 356. С. 231]. Таким образом, победа Владислава и казаков должна была сопровождаться обращением "ляхов" в русскую веру по приказу монарха⁵. Тем самым была бы, очевидно, окончательно утверждена главная руководящая роль "русского народа" в Речи Посполитой.

Нетрудно видеть, что все эти слухи находят довольно точные аналогии в записях слухов 30-х годов XVII в. Очевидно, идея переворота, осуществленного в тесном

⁵ Такая идея сохранялась и позднее в сознании украинского общества. См. запись слуха, распространившегося в связи с переговорами Хмельницкого о возведении на польский трон брата трансильванского князя: "тому королевскому брату наперед креститца в православную христианскую веру... и ляхов и жилов вывести из Полши и Литвы всех, чтоб учинить в Польше и в Литве православная христианская вера греческого закону одна" [6. Т. III. С. 80].

сотрудничестве с королевской властью, переворота, который бы обеспечил "русскому народу" и его политически наиболее активной части – казачеству главное, преобладающее место в Речи Посполитой, продолжала оставаться актуальной в сознании украинского общества. Неслучайно попавший в плен казак свое сообщение о приходе Владислава IV в королевский лагерь сопроводил словами: "Панство (т.е. государство. – Б.Ф.) перешло от вас, ляхов, к нам, казакам".

Разумеется, нет оснований полагать, что Хмельницкий и его окружение разделяли все эти представления. Они хорошо знали, что никаких связей с королем у них в действительности нет, и его намерения им неизвестны. Однако и они, судя по всему, полагали, что в главном – стремлении ослабить власть магнатов, фактически присвоивших себе всю ее полноту на украинских землях, интересы участников восстания и интересы короля совпадают. Тем более, что для такого переворота, о котором давно мечтали низы украинского общества, теперь, после того, как главная сила в руках "ляхов" – коронная армия была разбита на Желтых Водах и под Корсунью, складывались как будто благоприятные условия.

О надеждах гетмана и его окружения на возможность такого переворота говорит важный документ – послание Хмельницкого Владиславу IV от 12 июня 1648 г. Описывая "кривды" казакам со стороны старост и державцев, Хмельницкий подчеркивал, что они делали это вопреки приказаниям короля, говоря всегда: "Вот вам король! Пусть поможет вам король, такие сякие сыны". "Не обращая внимания на права и привилеи, которые мы имеем от вашей королевской милости, вольности наши и нас самих, – писал Хмельницкий, – обратили в ничто, считая нас не слугами королевскими, а своими собственными невольниками". Действия участников восстания – акт необходимой самообороны, и они заслуживают прощения. В заключение Хмельницкий просил короля сохранить за Запорожским войском его права и вольности, "чтобы ваша королевская милость сам святою своею особою и мы, самые низшие слуги вашей королевской милости, той неволи больше не терпели" [18. № 4. С. 33–34]⁶. В этих заключительных словах послания явно выражалась надежда на то, что благодаря совместным действиям королевской власти и казачества будет положен конец самовластью магнатов – "ляхов" в жизни Речи Посполитой, король станет "вольным королем", который даст "волю" своим подданным – казакам.

Вскоре после того как были написаны эти слова, до Хмельницкого и его окружения дошли сведения о смерти Владислава IV [12. Ч. 3. С. 16]. Как видно из сохранившихся записей слухов, никто на Украине не поверил в естественный характер его смерти. По общему убеждению, король был убит своими противниками – "ляхами". В письме Алексею Михайловичу Хмельницкий писал, что "короля, пана нашего, смерть взяла, так же с причины тех же незбожных неприятелей его і наших, которых есть много королями в земле нашей" [6. Т. II. № 12. С. 33]. В официальном письме Хмельницкий должен был выражаться осторожно, но в казацкой среде он высказывался более определенно: уже неоднократно цитировавшийся Никифор Гридин сообщал московским воеводам: "а сказывал, де, им, казакам гетман Хмельницкий, что короля в раде ляхи убили" [10. Т. II. № 357. С. 232]. Записи слухов от июня 1648 г. называют убийцей короля князя Я. Вишневецкого – к тому времени главного противника восставших [14. 1648 г. № 1а. Л. 254–256].

На ход исторических событий смерть реального исторического лица – короля Владислава IV – оказала влияние лишь в том смысле, что наступление бескорольевья серьезно затруднило властям Речи Посполитой борьбу с казацким восстанием. Несравненно большее значение имела эта смерть для развития общественного сознания украинского казачества.

Со смертью Владислава IV и украинское казачество, и его политический вождь Богдан Хмельницкий оказались перед решением трудной проблемы. С одной сто-

⁶ В написанном ранее письме белоцерковскому подстаросте З. Черному Хмельницкий также выражал надежду на то, чтобы король "неприятелей его и наших до конца подавил" [18. № 3. С. 32].

роны, с разгромом коронной армии и утверждением новой, созданной восставшими казацкой власти на значительной части территории Украины был сделан важный шаг на пути к осуществлению того переворота в жизни Речи Посполитой, о котором казачество мечтало в течение нескольких десятилетий. С другой стороны, со смертью короля Владислава IV со всей остротой встали вопросы: а может ли быть этот переворот вообще осуществлен и с помощью каких союзников? И как быть дальше?

Именно в этой кризисной ситуации, вызванной смертью короля, с которым в течение долгого времени связывались столь большие надежды, начал серьезно обсуждаться вопрос о возможном отделении земель Речи Посполитой, заселенных "русским народом", от этого государства. Если в написанном под Корсунью письме белоцерковскому подстаросте Черному Хмельницкий выражал надежду на то, чтобы король "много лет и над нами правил" [18. № 3. С. 32], то Никифор Гридин в начале июля 1648 г. сообщал русским воеводам: "положили казаки на том: будет король убит и им, де, иного короля не обирати и всей лядской землей христианской веры приговорили поддаться" московскому царю [10. Т. II. № 357. С. 232]. Тогда же воевода одного из русских пограничных городов – Яблонова сообщал в Москву: "а многие, государь, люди в литовской стороне говорят, как даст Бог им ляхов побить, и они б; де, по Киев отложились к твоей государевой стороне" [6. Т. II. № 24. С. 54].

Однако сознание связи с Речью Посполитой продолжало оставаться сильным, и на казацкой раде было принято решение содействовать вступлению на польский трон московского царя Алексея Михайловича. 8 (18) июня 1648 г., предлагая царю Алексею польскую корону, Хмельницкий писал: "Зичили бiхмо собi самодержца господара такого в своей землi, яко ваша царская велможност православний хрестиянский царь" [6. Т. II. № 12. С. 33]. Эти слова Хмельницкого не оставляют сомнений в том, что предпочтение кандидатуре царя Алексея было оказано не только потому, что он был православным правителем, т.е. исповедывал ту же веру, что и казаки. Имело значение и то, что он был "самодержцем" – государем с сильной неограниченной властью. От такого государя можно было ожидать, что он сумеет установить в Речи Посполитой те порядки, которые хотел, но не смог установить король Владислав IV. Об этих порядках Хмельницкий говорил во время переговоров с комиссарами Речи Посполитой в январе 1649 г.: "Король пусть будет королем, таким, чтобы карал и казнил шляхту и дуков и князей, чтобы имел волю: согрешит князь – урезать ему шею, согрешит казак – сделать то же" [6. Т. II. С. 151].

Формально речь шла о том, чтобы сенаторы и шляхта избрали Алексея Михайловича на польский трон. Однако на деле имелось в виду принудить их согласиться на этот выбор под давлением совместных действий русской армии и Запорожского войска. Неслучайно в своем письме, предлагая царю польскую корону, Хмельницкий одновременно советовал ему идти с войском на Смоленск. Позднее, предлагая русскому дипломату Василию Унковскому, чтобы царь "наступил на Литовскую землю своими ратными людьми", он разъяснял: "И Литва, боясь великого государя ратных людей и нас, Запорожского войска и крымского царя, сами будут просить и бити челом великому государю, чтоб им был государем... А Полше против нас, Запорожского войска и крымского царя, кем стояти. И великий государь за помощью божиею будет над обоими, над полской и над литовской землей государем" [6. Т. II. С. 151]. Таким образом речь шла об осуществлении старого традиционного плана переворота в общественно-политическом устройстве Речи Посполитой, лишь с тем изменением, что место короля Владислава IV должен был занять московский царь. Так понимал дело не только Хмельницкий, но и казаки из отрядов Кривоноса, попавшие в плен в конце июля 1648 г., которые говорили: "загоним поляков за Вислу и посадим на королевстве польском московского царя" [6. Т. II. № 38. С. 72]⁷.

⁷ Сами казаки приписывали такие заявления московским послам, но так как московские послы подобных заявлений не делали, то ясно, что перед нами слух, возникший непосредственно в казацкой среде, отражавший намерения самих казаков.

В этой связи заслуживают внимания и относящиеся к началу июля 1648 г. слова Никифора Гридина о намерениях казаков "итти в Польшу, чтоб, де, государь, ляхов и жидов в Польше не было" [10. Т. II. № 357. С. 232]. Слова эти, конечно, нельзя понимать как стремление к поголовному истреблению польского населения. Простых людей в Польше здесь считали союзниками казацкого войска. "Поможет мне чернь вся по Люблин, по Краков", – говорил в январе 1649 г. Хмельницкий комиссарам Речи Посполитой [6. Т. II. № 47. С. 108]. Эти слова, скорее всего, означали, что, по убеждению казаков, "ляхи" – магнаты, узурпировавшие себе власть над украинскими землями, ограничив власть монарха, должны быть лишены власти и влияния и на территории Польши. При этом совсем не затрагивался вопрос о положении Запорожского войска в рамках новой политической структуры. Однако представляется очевидным, что как одна из главных опор власти царя на территории Речи Посполитой Запорожское войско должно было занять особо привилегированное, почетное положение.

Так как русское правительство отказалось последовать предложениям Хмельницкого, то во второй половине 1648 г. гетман и старшина стали рассматривать другие пути осуществления своего плана. Было решено искать соглашения с одним из главных претендентов на польскую корону, братом покойного Владислава IV Яном Казимиром. В сотрудничестве с ним рассчитывали обеспечить Запорожскому войску особое автономное положение в рамках Речи Посполитой и сломить власть и влияние враждебных запорожскому войску магнатов – "ляхов".

История контактов между Яном Казимиром и Хмельницким, контактов во многом неофициальных и секретных, остается до сих пор во многом неясной, несмотря на все усилия исследователей. Переговоры между ними начались поздней осенью 1648 г., после нового поражения коронных войск под Пилявцами и похода казацкого войска на земли Западной Украины. 15 ноября 1648 г. Хмельницкий обратился к королевичу с письмом, в котором объяснял, что казаки были вынуждены подняться на войну, чтобы дать отпор гетману Потоцкому, который напал на них "против воли брата вашего покойного короля", а на земли Западной Украины казацкое войско двинулось, узнав от пленных, "что Речь Посполитая вашу королевскую милость, пана нашего дедичного на хочет иметь королем". "Просим того у Господа Бога, чтобы ваша королевская милость пан наш милостливый изволил быть самодержцем, как и другие короли, а не так, как святой памяти покойные предшественники вашей королевской милости в неволе были". В другом месте этого письма говорилось, что Запорожское войско желает, чтобы "в согласии с волей вашей королевской милости тех побочных корольков больше не было" [18. № 32. С. 80]. Из текста послания определенно следует, что казацкая верхушка во главе с гетманом рассчитывала, что Ян Казимир сумеет сыграть ту роль, которую казачество в течение долгого времени предназначало его брату Владиславу.

Исследователям точно неизвестно, на каких условиях была достигнута договоренность между казацкими посланцами и новым королем. В ставке Хмельницкого склонны были думать, что король принял предложенные казацкой стороной условия. Полковник Силуян Мужилковский, посол Хмельницкого, в записке, поданной в феврале 1649 г. в Посольский приказ в Москве, отметил, что Ян Казимир обещал Запорожскому войску "быти русским /королем/ і що през шаблю узяли, аби тое мощно держали, обещуючи що /одноконечно хотят подтве/рдить" [6. Т. II. № 50. С. 130]. Здесь наиболее важное значение имеют слова о согласии Яна Казимира быть "русским королем", т.е. проводить такую политику, которая содействовала бы тому, чтобы авангард "русского народа" – казачество стал главной политической силой в Речи Посполитой. Стоит отметить, однако, что на этот путь казачество вступило с известными сомнениями. В отличие от своего покойного брата Ян Казимир имел в глазах казаков не лучшую репутацию. В течение длительного времени в казацкой среде его считали ставленником "ляхов" и "ксендзов", которые хотели отстранить от власти пекущегося об интересах "русского народа" Владислава IV. Поэтому у Хмельницкого и его

полковников не было уверенности, что новый король будет соблюдать достигнутую договоренность. Как говорил Силуян Мужилковский в Посольском приказе, между казаками и Речью Посполитой заключено перемирие, но по его окончании "знову воеват, кгда не будет Казимера королем руским, /хочет войско Запороз/ское" [б. Т. II. № 50. С. 130].

Как представляется, своеобразной лакмусовой бумажкой, с помощью которой Хмельницкий хотел выяснить, будет ли Ян Казимир "русским королем", было выставленное в самом начале переговоров требование наказать виновников войны – великого хорунжего Александра Конецпольского, сына того гетмана, которого так ненавидели казаки, и русского воеводы князя Яремы Вишневецкого, печально прославившегося своими жестокими казнями участников восстания [12. Ч. 3. С. 114]. В несколько иной форме – как требование наказания Вишневецкого и личного обидчика гетмана Хмельницкого Чаплиньского – это требование как одно из неизменных условий мира было повторено на переговорах с комиссарами Речи Посполитой в Переяславе в январе 1649 г. Если они не будут наказаны, говорил гетман, "то либо ему с войском Запорожским пропасть или земле лядской, всем сенаторам, дукам, королькам и шляхте згинуть" [б. Т. II. № 47. С. 107]. Комментируя эти требования гетмана, М.С. Грушевский полагал, что Хмельницкий выдвигал их, зная заранее, что они приняты не будут. Такие требования, как справедливо отмечал ученый, "не могли бут навіть трактовані серіозно в рамках польского конституційного життя" [12. Ч. 3. С. 152]. Однако, представляется, Хмельницкий и выдвигал эти требования, чтобы выяснить, готов ли Ян Казимир, опираясь на своих сторонников, ломать эти нормы польской конституции, карая магнатов как простых казаков. Не один Хмельницкий питал такие надежды: среди казаков были люди, которые связывали свои надежды с одним из наиболее близких к покойному королю политиков, коронным канцлером Ежи Оссолиньским. По свидетельству главного среди польских комиссаров на переговорах, Адама Киселя в Переяславе казаки говорили ему: "Когда его милость пан канцлер будет комиссаром, а ты другим – будет /у нас/ согласие" (цит. по: [12. Ч. 3. С. 165]).

К этому следует добавить, что несмотря на весьма отрицательную в прошлом репутацию Яна Казимира вскоре после его избрания среди "русского" населения Речи Посполитой стали распространяться представления, что он был возведен на трон при поддержке казаков и стоит на их стороне в их войне с панами. Так, 5 марта 1649 г. посадский человек, ездивший в Вильно взимать долги, рассказывал воеводе Вязьмы, что "обирали на королевство королевича Казимера запорожские черкасы да купецкие люди черные, а панство, де, ...его на королевство немногие обирали, и ляхи, де, ево, Казимера, не слушают". Когда "ляхи", не дождавшись окончания срока перемирия, начали военные действия против казаков, то король "писал" к польскому гетману, "чтоб он ляхов из обозу всех роспустил по городом и крестиян бы не воевал, и тот, де, гетман и ляхи королевского приказу не послушали". 16 марта московские купцы, ездившие в Вильно, также сообщали вяземскому воеводе: "А королю, де... Казимеру ляхи непослушны, что король стоит за Белую Русь" [14. 1649 г. № 1. Л. 44–45].

Это – записи слухов, имевших хождение на территории Белоруссии, но нет сомнений, что подобные слухи были распространены и на украинских землях. Свидетельством тому может служить известный рассказ лекаря Луки Климовского из Прилук о некоторых событиях, последовавших за заключением Зборовского мира. Хорошо известно, что тайным условием мирного договора было согласие властей Речи Посполитой на то, чтобы крымская орда на обратном пути беспрепятственно брала ясырь на украинских землях [12. Ч. 3. С. 208–209]. В рассказе Луки Климовского читаем, что "велел король татаром вместо заплаты те города воевать, которые по сю сторону реки Вислы в маетностях тех панов, которые ему, королю, сперва были непослушны, гетмана корунного Фирлея и князя Вишневецкого, и Доминика /Заславского/ и Корецкого, и Збаражских князей, за то, что от их задору и налоги та война с черкасы и зачелась". Ведь "велел он, король, им с черкасы миритца, и они, де, ево ни

в чем не послушали". После этого "князь, де, Еремей Вишневецкой писал х королю с невежеством, что он, де, Вишневецкой за то разоренье учнет с ним, королем, битца и король, де, писал к черкасскому гетману к Богдану Хмельницкому, чтоб он шол к нему, королю, с черкасы и с татары на помочь". Рассказ заканчивался словами: "И впредь, де, ... чаят он у короля с поляки, что в Збораже сидели, розрятья" [19. С. 347–348]⁸. В этом рассказе Ян Казимир выступает как правитель, который не только стоит на стороне казаков, но и готов вместе с ними карать не подчиняющихся его власти магнатов.

Тогда же появились связывавшиеся с особой Яна Казимира слухи о том, что он примет "русскую веру" и сделает столицей Речи Посполитой Киев [4. Стб. 297. Л. 78]. В сентябре 1649 г. распространился и слух о том, что Вишневецкий "короля польского Яна Казимера убил, сшодшись оманом до смерти" [6. Т. II. № 115. С. 253]. Распространение всех этих слухов показывает, что вплоть до конца 1649 г. надежды на то, что с помощью короля и в сотрудничестве с ним удастся преобразовать Речь Посполитую в государство, где главная роль будет принадлежать "русскому народу" и его наиболее политически активной части – казачеству, а сам его глава будет "королем русским", еще продолжали сохраняться в какой-то части украинского общества.

Вместе с тем в этих слухах все более заметно выступает понимание того, что король, хотя у него, по мнению рассказчиков, самые добрые намерения, по существу бессилён, власть в государстве находится в руках враждебных казачеству магнатов, и он не в состоянии подчинить их своей воле. Между тем, надеясь на поддержку монарха, казаки, как представляется, видели в нем как бы символ тех сил, которые, по их мнению, имелись в Речи Посполитой, сил, которые были дружественны по отношению к "русскому народу" и в сотрудничестве с которыми можно было бы изменить сложившиеся в этом государстве враждебные по отношению к казакам порядки. Ход событий принесил все новые доказательства того, что подобных сил в Речи Посполитой нет, а в этих условиях личность монарха, вера в его добрые намерения уже не могли иметь для казаков прежнего значения.

В течение долгого времени казаки считали своим союзником "Литву" во главе с крупнейшими литовскими магнатами, представителями биржанской ветви Радзивиллов – гетманом и виленским воеводой Кшиштофом Радзивиллом, а затем его сыном Янушем. Такие представления разделяли в начале восстания также гетман и его окружение. Свидетельством может служить "лист" Хмельницкого от 17 июля 1648 г., в котором, вспоминая о старом расположении казаков к литовским панам и их военном братстве в общих походах, гетман разъяснял казакам, что война, которую они начали против своих неприятелей – польских панов, не касается панов литовских, и запрещал разорять их владения под страхом "кары войсковой" [18. № 18. С. 58]. Однако таким представлениям был нанесен сильный удар, когда осенью 1648 г. казацкое движение захватило юго-восточные поветы Великого княжества Литовского, и литовское войско во главе с Янушем Радзивиллом с большой жестокостью расправилось с казаками [20. С. 70–72].

С большим раздражением об этих расправах Хмельницкий говорил комиссарам на переяславских переговорах [6. Т. II. № 47. С. 107]. Сохранилось и письмо, которое в этой связи запорожский гетман отправил гетману литовскому [18. № 44. С. 96]. В письме, наряду с выражением возмущения по поводу жестоких расправ с "невинными людьми", гетман напоминал о давней дружбе, связывавшей семью Радзивиллов с Запорожским войском. Однако отношение гетмана и казацкой старшины к литовскому некоронованному "королю" определяли другие высказывания того же письма: "Ваша милость и другие паны, как перед тем покойного пана нашего не слушали, так и теперь снова против королевской воли изволите начинать и на нас наступать, то,

⁸ См. также рассказ грека Миколая Папазова, проехавшего в сентябре 1649 г. через украинские земли: он "слышал от многих же литовских людей, что корунной гетман Фирлей и княз Еремей Вишневецкий идут на польского Яна Казимира короля войною за то, что он, король, съ их подданными с черкасы помирился" [19. С. 352].

взяв Бога в помощь, защищаться будем и королю дадим знать". В течение долгого времени казачество считало биржанских Радзивиллов главными союзниками короля Владислава в его борьбе с непокорными магнатами, а теперь гетман относит Януша Радзивилла именно к числу тех магнатов, которые "не слушали" покойного короля и не желали подчиняться его воле. Хмельницкий не хотел разрывать контактов с главой "Литвы" и подчеркнуто оказывал особые почести его посланцам, стремясь не допустить вступления Великого княжества Литовского в войну с казаками, но надежд на то, что "Литва" вместе с казачеством будет участвовать в изменении традиционного строя Речи Посполитой, в ставке гетмана больше быть не могло. Еще в мае 1649 г. торговые люди из Могилева рассказывали севским воеводам, что "литовский, де, гетман Радивил писал к гетману Хмельницкому, что он литовскими поветы с ними, з белорусцы, битца не хочет, так же как отец его, Радивил, против их белорусцев не бивался" [14. 1649 г. № 1. Л. 148]. Однако, когда летом 1649 г. литовское войско во главе с Янушем Радзивиллом приняло активное участие в войне, разбив казацкий корпус во главе с киевским полковником С. Кричевским [20. S. 75–78], был положен конец и этой последней иллюзии.

В условиях, когда ход событий давал все новые доказательства того, что в Речи Посполитой нет сил, готовых сотрудничать с казачеством, надежды на переворот, после которого Речь Посполитая стала бы государством, в котором главная роль принадлежала бы "русскому народу", становились все более нереальными. Все это заставляло задумываться о перспективах существования Запорожского войска и как военного объединения казаков и как особой политической организации, созданной на землях Украины после победы восстания.

Если у части украинского общества надежды на возможность переворота в Речи Посполитой сохранились, как мы видели, вплоть до лета 1649 г., то гетман и его окружение избавились от этих иллюзий значительно ранее. Явное разочарование новым монархом сквозит в известных словах Хмельницкого на переяславских переговорах: "А не захочет король вольным королем быть – это его дело" [6. Т. II. № 47. С. 108].

Размышления над будущим в ставке гетмана пошли в двух направлениях. С одной стороны, стали формироваться планы создания особого, независимого от Речи Посполитой государства, в границы которого вошли бы все земли Речи Посполитой, населенные "русским народом". Неслучайно на переговорах в Переяславе Хмельницкий как известно, называл себя "единовладцем и самодержцем русским" и говорил, что освободит "от ляхской неволи народ русский весь" – "по Львов, по Холм и по Галич" [6. Т. II. № 47. С. 108–109]. С другой стороны, важное практическое значение приобретал вопрос о возможности дальнейшего существования Запорожского войска в рамках не Речи Посполитой, а иного, соседнего с Украиной государства. Мысль о возможности перехода под власть "иного пана" присутствовала в сознании участников восстания уже на его начальном этапе. Симптоматичными в этом плане представляются слова в письме Хмельницкого Адаму Киселю от 13 июня 1648 г.: казаки не обращаются "до иншого пана", так как знают, что враждебные действия против них предпринимались "без воли Его Королевской милости" [18. № 8]. Со временем эта мысль приобретала все более определенные формы. После переяславских переговоров Хмельницкий писал Яну Казимиру от имени Запорожского войска, что тяжелое положение приводит казаков к тому, что они должны кровью освобождаться от неволи и хотят искать себе чужих панов [18. № 50].

Назревавшие перемены в ориентации казацкой старшины нашли свое выражение в дипломатической переписке Запорожского войска с Россией. 8 февраля 1649 г. Хмельницкий писал царю: "А мы, как первые, такожде и ныне желаем того, чтоб ваше царское величество нам государем и царем яко православное светило и самодержцею за благословением божиим учинился" [6. Т. II. № 52. С. 132]. Хотя в письме гетман ссылался явно на свое прежнее обращение к царю от 8 июня 1648 г., то обстоятельство, что новое письмо было написано после окончания бескоролья в Речи

Посполитой и избрания нового короля, придавало ему совсем иной смысл. Речь шла теперь о разрыве Запорожского войска с Речью Посполитой и о его переходе под власть московского царя. Совсем прямо и определенно это было сформулировано в грамоте гетмана, отправленной в Москву 3 мая 1649 г. с черкасским полковником Федором Вешняком: "Нас под милость и оборону свою и всю Русь, ныне по милости Божии против ляхов совокупающуюся, возьми" [б. Т. II. № 74. С. 177].

М.С. Грушевский всесторонне обосновал то положение, что именно зима 1648–1649 гг. стала временем, когда произошли переломные изменения в политическом мышлении казацкой элиты. Прделанное исследование лишний раз подтверждает принципиальную правильность этого вывода классика украинской историографии. М.С. Грушевский видел эти перемены в том, что если в начале восстания цели казацкой верхушки не шли дальше восстановления прав и привилегий, утраченных Запорожским войском с установлением Ординации 1638 г., то к зиме 1648–1649 гг. она возвысилась до идеи создания особого государства для "русского народа", живущего на территории Речи Посполитой. В свете сделанных наблюдений этот вывод М.С. Грушевского требует серьезных поправок. Цели восставших уже в первые месяцы восстания отнюдь не сводились к восстановлению прав и привилегий, утраченных Запорожским войском. Участников восстания вдохновляла сложившаяся в казацкой среде уже в предшествующие десятилетия идея переворота в традиционном общественном устройстве Речи Посполитой с тем, чтобы в новом, преобразованном государстве главная роль принадлежала "русскому народу" и его наиболее активной политической части – казачеству. Лишь когда ход событий показал нереальность этой идеи, приобрел актуальность вопрос о создании для "русского народа" в Речи Посполитой своего особого государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Floria B.N.* Konflikt między zwolennikami unii i prawosławia w Rzeczypospolitej (w świetle źródeł rosyjskich) // Barok. Warszawa, 1997.
2. *Floria B.N.* Kozaczyzna wobec przemian religijnych na ziemiach ruskich Rzeczypospolitej w latach trzydziestych XVII w. // Mowią wieki, 1995, № 12.
3. *Флорія Б.М.* Запорозьке козацтво і плани Турецької війни Владислава IV (політика верхів і суспільна свідомість низів) // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Київ, 1992. Вып. 1.
4. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол.
5. РГАДА. Ф. 210. Приказной стол.
6. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. М., 1954. Т. I–III.
7. *Флорія Б.Н.* Брестская уния 1596 г. и некоторые вопросы конфессиональных отношений на Украине и в Белоруссии в первой половине XVII в. // Славяноведение. 1996. № 2.
8. *Флорія Б.Н.* Запорожское казачество и Крым перед восстанием Хмельницкого // Исследования по истории Украины и Белоруссии. М., 1995. Вып. 1.
9. *Флорія Б.Н.* У истоков легенды о королевиче Владиславе // Сборник к 60-летию Я.Д. Исаявича // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вып. 5. Львів, 1998.
10. Акты Московского государства. М., 1890. Т. I; СПб., 1894. Т. II.
11. *Голубев С.Т.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Киев, 1883. Т. 1.
12. *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Київ-Львів, 1922. Т. VIII. Ч. 1; Київ-Видень, 1922. Ч. 2–3.
13. РГАДА. Ф. 210. Севский стол.
14. РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей).
15. *Czermak W.* Plany wojny tureckiej Władysława IV. Kraków, 1895.
16. *Czapliński.* Władysław IV i jego czasy. Warszawa, 1972.
17. РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией), 1647.
18. Документи Богдана Хмельницького. Київ, 1961.
19. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1861. Т. III.
20. *Wisner H.* Działalność wojskowa Janusza Radziwiłła. 1648–1655 // Rocznik białostocki. Białystok, 1976. Т. XIII.